

Научно-теоретическая статья

УДК 304.9

DOI: 10.25688/2078-9238.2024.49.1.2

ТИПОЛОГИЯ УТОПИЙ ЕЖИ ШАЦКОГО И ТИПОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ РОБЕРТА МЕРТОНА: ПЕРЕКЛИЧКА ТЕОРИЙ

Сахарова М. В.

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

sakharovamv@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8300-2065>

Казенина А. А.

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

kazeninaa@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8300-20652>

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена противоречивым отношением к феномену утопии и динамикой самого утопического сознания. Статья посвящена проблеме оснований типологии утопий. Цель статьи — проанализировать возможности и границы применимости теории социального поведения Роберта Мертон для анализа утопий, в том числе для анализа классификации утопий польского социолога Ежи Шацкого, а также выявить общее в подходах двух социологов. Перечисляя распространенные типологии утопий, авторы показывают особенности и роль типологии Е. Шацкого в массиве исследований утопий. Авторы выделяют функциональный подход и внимание к проблемам динамики общества как императивы обеих концепций. Проблемы типологии утопий рассматриваются в контексте дискуссии о социальной роли утопии, ее функциях и причинах возникновения.

Ключевые слова: утопия, типология утопий, типы социального поведения, Р. Мертон, Е. Шацкий

Для цитирования: Сахарова М. В., Казенина А. А. Типология утопий Ежи Шацкого и типология социального поведения Роберта Мертон: перекличка теорий // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2024. № 1 (49). С. 21–33. DOI: 10.25688/2078-9238.2024.49.1.2

Scientific and theoretical article

UDC 304.9

DOI: 10.25688/2078-9238.2024.49.1.2

JERZY SZACKI'S TYPOLOGY OF UTOPIA AND ROBERT MERTON'S TYPOLOGY OF SOCIAL BEHAVIOR: ROLL CALL OF THEORIES

Maria V. Sakharova

Moscow City University,

Moscow, Russia,

sakharovamv@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8300-2065>

Anna A. Kazenina

Moscow City University,

Moscow, Russia,

kazeninaa@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8300-20652>

Abstract. The relevance of the study is due to the contradictory attitude towards the phenomenon of utopia and the dynamics of the utopian consciousness itself. The article is devoted to the problem of the foundations of the typology of utopias. The purpose of the article is to analyze the possibilities and limits of applicability of Robert Merton's theory of social behavior for the analysis of utopias, including the analysis of the classification of utopias by the polish sociologist Jerzy Szacki, and also to identify commonalities in the approaches of the two sociologists. Listing common typologies of utopias, the authors shows the features and role of E. Shatsky's typology in the body of research on utopias. The authors highlights the functional approach and attention to the problems of social dynamics as imperatives of both concepts. Problems of the typology of utopias are considered in the context of a discussion about the social role of utopia, its functions and reasons for its emergence.

Keywords: utopia, typology of utopias, types of social behavior, R. Merton, J. Szacki

For citation: Sakharova, M. V., & Kazenina, A. A. (2024). Jerzy Szacki's typology of utopia and Robert Merton's typology of social behavior: roll call of theories. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 1 (49), 21–33. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2024.49.1.2>

Введение

Поиск счастливой страны сопровождал человечество на протяжении всей его истории, и массив утопической литературы и — шире — идей, которые играли роль утопий, огромен. Естественно, что на определенном этапе встала задача систематизации исследуемого материала. При этом, с одной стороны, исследователи отмечают, что любая типология условна и основания для выделения типов выбираются в зависимости

от задач и целей исследования [Сокотун, 2011, с. 127], с другой — что только типологизация позволяет получить полное представление не только об истории утопической мысли, но и, что более важно, о путях и эволюции социального идеала [Баталов, 1989, с. 41].

Самой простой типологией утопий является *хронологическая*. В ее рамках выделяют утопии эпохи Античности, средневековые утопии, возрожденческие, утопии эпохи Просвещения и т. д. Понимая ограниченность данного подхода, исследователи обращают внимание на его плюсы. Делая акцент на чертах, отличающих утопии данной эпохи и их связь с идеями своего времени, данная типология позволяет выявить историческую обусловленность утопической литературы. Так, Е. Шацкий, давая характеристику ренессансным утопиям, отмечает, что они были тесно связаны с главным направлением социальной мысли своего времени и, несмотря на то что ответы на дискуссионные вопросы эпохи они давали разные, общие принципы были схожи. Все ренессансные писатели «верили, что общественный порядок является делом человеческого искусства и как таковой может быть рационально перестроен в соответствии с условиями постоянных черт человеческой природы» [Шацкий, 2018, т. 1, с. 80]. Другая, хорошо знакомая российскому читателю классификация утопий связана с марксистским подходом к философии истории. Основанием для выделения типов служит *классовый интерес* и *классовое содержание* утопий. В ее рамках выделяют рабовладельческие, буржуазные, мелкобуржуазные, пролетарские утопии и др. Близко ей деление утопий В. И. Лениным на реакционные и прогрессивные (первые отвлекают массы от борьбы, вторые — зовут на нее) [Ленин, 1960, с. 117]. Советский исследователь утопий В. П. Волгин выделял три типа утопий, основанных на разных типах мировоззрения: религиозные, рационалистические (на метафизическом мировоззрении) и исторические (на научном мировоззрении), — повторяя в чем-то знаменитую схему эволюции человеческого духа О. Конта (теологическая, метафизическая, или абстрактная, и научная/позитивная стадия) [Волгин, 1923]. Еще одним основанием типологизации утопий выступает *преобладающая проблематика*: свобода человека, научный прогресс, отношения с государством и т. д. Близка к нему *аксиологическая* типология — по ценностным основаниям утопий. Например, А. Фогт выделял архические и анархические утопии по принципу отношения к подчинению и свободе [Фогт, 1906, с. 18–19]. Так как одно из значений слова «утопия» — литературный жанр, то существует отдельно классификация *литературной* утопии [Ануфриев, 2021]. Список типологий можно продолжать до бесконечности [см., например: Денисов, Денисова, 2016; Мыльников, 2019; Покотыло, 2011 и др.]. Э. Я. Баталов даже выдвинул идею создания целой системы (иерархии) типологий утопий [Баталов, 1989, с. 49].

Однако в центре нашего исследования находится *дихотомическая* типология — деление утопий на *героические* и *эскапистские* утопии. Данную типологию разрабатывали сразу несколько исследователей. В научный оборот ввел ее Л. Мамфорд, разделив в своей книге «История утопий» все утопии

на утопии бегства и утопии реконструкции [Mumford, 1922, p. 116]. Однако позднее его взгляды на роль утопии претерпели серьезные изменения, и типология не получила развития в его творчестве. Е. Шацкий же сделал данную типологию стержнем своего исследования, дополнив ее выделением подтипов каждого из двух видов утопий [Шацкий, 1990]. Необходимо отметить, что очень похожая типология представлена в книге С. С. Сизова «Утопия и общественное сознание», в которой все утопии разделены на утопии созерцательного и действенного типа [Сизов, 1988], но данная типология, с нашей точки зрения, является переработкой идей Е. Шацкого.

Ежи Шацкий — представитель варшавской школы истории идей. На русском языке изданы всего две его работы. Первая, имеющая непосредственное отношение к теме настоящей статьи, «Утопия и традиция») и вторая — двухтомник «История социологической мысли» [Шацкий, 1990; Шацкий, 2018]. Типология Ежи Шацкого стоит особняком среди других классификаций утопий, в том числе потому, что он не просто историк общественной мысли, но и социолог, который смотрит на утопии сквозь призму социологического воображения. Как верно замечает Ю. Сокотун, данная типология разработана в рамках *функционального* подхода [Сокотун, 2011, с. 127], хотя сам Шацкий нигде прямо об этом и не говорит. Но именно данный подход позволяет нам сравнивать типологию Е. Шацкого и концепцию одного из самых ярких представителей структурного функционализма Роберта Мертона, и не просто сравнивать, а выделить эвристические объяснительные возможности функционального подхода.

Методология

Теоретической базой исследования является междисциплинарный подход, соединяющий в себе строгий логический анализ понятийной системы рассматриваемых теорий, основные положения структурно-функционального анализа и концептуальную основу классического социально-философского исследования.

Результаты исследования

Исследователи выбирают основание для типологии в зависимости от целей и интенций исследования, и сходство концепций Е. Шацкого и Р. Мертона можно обнаружить уже на этом этапе. В предисловии к «Утопии и традиции» читаем: «Мне было важно отделить то, чем мы действительно обязаны прошлому, от того, что *мы пытаемся с ним сделать* (выделено нами. — М. С., А. К.) и как мы к нему относимся» [Шацкий, 1990, с. 12]. Этот основной посыл польского социолога приводит его к типологизации утопий по признаку действия/бездействия, ведь главное отличие героических утопий от утопий эскапистских

в том, что «они требуют жить по-другому...», обязывая их автора противостоять окружающему злу «всем своим существом» [Шацкий, 1990, с. 117]. Естественно, что при таком подходе в центре внимания оказывается поведение индивида. Точка отсчета для Р. Мертона — девиантное поведение, его причины и типы, и угол, под которым он его рассматривает, делает неизбежным включение в рассмотрение поведения, связанного с утопическим мышлением.

Но прежде чем перейти к сравнению двух типологий, необходимо понять, какое из многочисленных существующих определений утопий использует Е. Шацкий. Во-первых, для него утопия — это не только литературное описание счастливой страны, т. е. это не только литературный жанр. Во-вторых, утопия не сводится и к чему-то несбыточному. Такое определение, по мнению автора, ненаучно, так как «навязывает оценку прежде, чем мы приступаем к исследованию вопроса», не говоря уже о том, что многое, когда-то считавшееся утопией, позже стало реальностью [Шацкий, 1990, с. 22]. Е. Шацкий перебирает еще несколько распространенных значений слова и останавливается на том, что любая утопия предполагает *разрыв с действительностью*, неприятие которой и рождает ее. Второй обязательный элемент — это *предложение альтернативы*, причем не любой, а затрагивающей весь общественный порядок. Утописта от реформатора отличает стремление «возвести новый мир», а не «исправить существующий» [Шацкий, 1990, с. 34–39]. Это сущностные черты любой утопии. Поэтому, например, на наш взгляд, не совсем верна трактовка типологии Шацкого, данная Ю. А. Никулиной и Е. Н. Рымаревой, которые приравнивали эскапистские утопии к утопиям-идеалам, а героические — к утопиям-проектам [Никулина, Рымарева, 2023]; наличие идеала, по Шацкому, — необходимый элемент утопии. Определив разрыв с действительностью как главную черту утопии, Шацкий логично заключает, что утопист далеко не всегда революционер; более того, большинство утопистов «крайне далеки от революционности; они либо вообще не пытались провести свои замыслы в жизнь, либо, самое большее, пытались сделать это в весьма скромном масштабе и мирными средствами» [Шацкий, 1990, с. 38–39 и др.]. Именно эти характеристики утопий, выделяемые Шацким, позволяют нам провести параллели с типологией социального поведения Роберта Мертона.

В основе типологии социального поведения лежит выделение двух элементов социальной структуры: социально одобряемых ценностей и разрешенных средств их достижения [Мертон, 1966, с. 300]. Соответственно, типы различаются в зависимости от того, будут ли эти ценности приняты (+), отвергнуты (–) или отвергнуты одновременно с предложением чем их заменить (+/–) [Мертон, 2006, с. 254]. В теории Мертона принятие ценностей похоже на принятие мира таким, каков он есть в описании Шацкого, а отвержение равносильно предложению альтернативы. Это первое сходство.

Второе сходство заключается в акценте на тех социальных действиях, которые совершает человек, принявший или отвергнувший ценности общества. Е. Шацкий к эскапистским утопиям относит те, что не призывают на борьбу

за лучший мир и представляют собой бегство от реального мира, своего рода уход в себя, возможно, самосовершенствование, но себя, а не мира. В таких утопиях «современность может осуждаться с величайшим пафосом и резкостью, но на практике с ней не борются, бегут от нее в область мечты» [Шацкий, 1990, с. 53]. В героических же утопиях мечты о лучшем мире сочетаются с призывом к действиям.

Р. Мертон выделяет 5 типов социального поведения: инновативное, конформистское, ритуальное, эскапистское и мятежное. На первый взгляд, в рамках классификации утопий Е. Шацкого, первый тип социального поведения — *конформизм* — нас не интересует. Ведь он предполагает согласие и с целями, и со средствами, одобряемыми обществом. Это самый распространенный тип поведения, что естественно, так как именно согласие обеспечивает стабильность общества: «Поведение в рамках общепризнанной роли, ориентированное на достижение основных ценностей группы, представляет собой правило, а не исключение. Уже этот факт сам по себе позволяет нам говорить о совокупности людей как о группе или обществе» [Мертон, 1966, с. 305–306]. Утопия же связана с социальным идеалом и динамикой общества. Но нам важно, что конформизм для Мертона — это нейтральное понятие, и его понимание конформизма отличается от понимания конформизма в психологии, где понятие имеет негативный оттенок. В отличие от психологической трактовки, Мертон называет конформизмом модель поведения, а не мышления. Для него неважно, что человек думает по поводу своих действий: он действительно согласен, что так правильно, или он боится осуждения, или просто не хочет быть белой вороной. Ведь если несогласие индивида ограничивается областью мышления и он выбирает конформистскую модель поведения, на деле он своими действиями поддерживает стабильность системы, способствуя ее воспроизводству. Если в обществе преобладает конформистский тип поведения, оно стабильно и изменений в нем в ближайшее время ждать не стоит. По схожим причинам Е. Шацкий относит «Утопию» Т. Мора к эскапистским, а его самого к людям, которые «всеми корнями росли в свое общество, которые делают все, чего оно от них требует, и лишь в домашнем уединении совершают путешествия на счастливые острова, чтобы затем рассказывать о них избранным друзьям» [Шацкий, 1990, с. 53]. Характеризуя авторов эскапистских утопий, Шацкий даже использует термины Мертона: «В случае эскапистских утопий всегда возможно *принять определенную систему ценностей*, оценок и т. п., ограничиться ею и даже *приспособиться* к наихудшей действительности (выделено нами. — М. С., А. К.)» [Шацкий, 1990, с. 115]. Мор, как известно, был лордом-канцлером Англии, и хотя в определенные моменты своей жизни он выступал против политики короля (за что и поплатился в конце концов), но противником общественного строя Англии на практике не был. Мор-практик и Мор-писатель — это два разных человека. Не случайно Шацкий отмечает, что «Утопию» Т. Мора многие считали не более чем развлечением интеллектуала, и определяет ее как «тренировку социологического

воображения» [Шацкий, 1990, с. 19]. Однако нельзя с точностью определить, к какому типу социального поведения в классификации Мертон относится поведение Мора. Как конформист, он, наверное, не должен был писать произведение, взбудоражившее общественность, не говоря уже о том, что некоторые люди посчитали, что Утопия действительно существует, и снаряжали корабли на ее поиски. Е. Шацкий отмечает, что, «заставив читателя поверить в Утопию, утописты достигали, по крайней мере, того, что люди уже не считали свой мир лучшим из возможных» [Шацкий Е., 1990, с. 64]. Если учесть, что Р. Мертон выделяет именно модель поведения, а не тип личности и подчеркивает, что один и тот же человек может в разное время демонстрировать разные модели поведения, то возможно, он бы сказал, что Мор-писатель демонстрировал одну модель, Мор — государственный служащий — другую. В любом случае, если даже мы все-таки охарактеризуем поведение Мора как конформизм, его Утопия готовила почву для других типов социального поведения.

Следующий в типологии Мертон *инновативный* тип социального поведения. Он также предполагает в первую очередь стабильность. Если инноваторы и меняют что-то, то либо свое место в социальной структуре общества, либо отдельные институциональные элементы, но не кардинально, ведь они не оспаривают цели системы. Говоря словами Мертон, они «усвоили культурное акцентирование цели, не интернализовав при этом в равной степени институциональные нормы, регулирующие пути и средства ее достижения» [Мертон, 2006, с. 257]. Ни о какой альтернативе речи не идет. Инноваторы — классические реформаторы (разница между альтернативой и реформой, по Шацкому, была рассмотрена выше).

Ритуалисты же (третий тип поведения) и вовсе являются «скрытыми конформистами», или сверхконформистами, как их характеризует Р. Мертон [Мертон, 2006, с. 271, 311]. Да, согласно его таблице, они отвергают определяемые культурой (обществом) цели, сосредоточиваясь на средствах. Но причина отвержения — не неприятие системы, а, наоборот, «крайняя степень усвоения институциональных требований» [Мертон, 2006, с. 307]. Их приспособление — это внутреннее решение, а их поведение институционально дозволено. Не случайно, как отмечает Мертон, в ритуализме, в отличие от мятежа, обычно не усматривают социальной проблемы [Мертон, 2006, с. 268]. Приспособление ритуалистов — это частное решение проблемы, тогда как альтернатива утопии предполагает решение общее, системное.

Гораздо больше параллелей с идеями Е. Шацкого можно найти в описании четвертого типа социального поведения — модели бегства (другие варианты перевода — *ретритизм*, *эскапизм*). Люди, демонстрирующие подобный тип поведения, не принимают предписанных обществом целей, а их поведение идет вразрез с институциональными нормами [Мертон, 2006, с. 272]. Находясь в обществе, они ему не принадлежат, они чужаки: «Поскольку они не разделяют общую структуру ценностей, их можно отнести к числу членов *общества* (в отличие от *населения*) чисто фиктивно» [Мертон, 2006, с. 272]. Это сближает

эскапистов с представителями утопии ордена — одной из разновидностей героических утопий, так как члены ордена отказываются от принятого большинством образа жизни, подвергая сомнению повседневные практики. Однако, по Р. Мертону, люди, демонстрирующие эскапистскую модель поведения, ничего не предлагают взамен, тогда как у Е. Шацкого члены ордена хоть и «в стороне от общества», но «культивируют собственную непорочность». В его типологии их поведение — не отказ от действия, а действие, направленное на сохранение или создание иных ценностей. Но из-за того, что эти люди не верят в возможность сделать свои ценности всеобщим достоянием, они делают их достоянием частным, создавая ситуацию, когда ценности распространяются и поддерживаются среди избранного круга людей [Шацкий, 1990, с. 130]. Являясь разновидностью героических утопий, с эскапистскими их сближает то, что предлагаемая программа не соперничает с актуальными политическими программами, они, говоря словами польского социолога, «оставляют общество самому себе» [Шацкий, 1990, с. 122]. У Р. Мертона мы находим схожую идею. Ретритисты, с его точки зрения, разрешают конфликт разрыва между двумя элементами социальной структуры «устранением обоих досаждающих элементов: и целей, и средств» [Мертон, 2006, с. 273]. Но если ритуалист «подчиняется установленным нормам, “беглецу” нет почти никакого дела до институциональных практик» [Мертон, 2006, с. 273]. По этой причине общество отвергает их, оно не может легко принять, что люди на практике отвергли его ценности, ведь беглец, по сути, осуждает и/или презирует господствующие ценности, а общество такого не прощает. Отчуждение от общества сближает данную модель поведения с утопиями ордена и в целом — с героическими утопиями. Ведь и в концепции Е. Шацкого утопии ордена амбивалентны. С одной стороны, являясь героическими, они близки к утопиям эскапистским, так как их авторы отказываются от преобразования общества в целом [Шацкий, 1990, с. 131]. С другой стороны, если орден начинает борьбу за распространение своих идей, он сближается с утопией политики [Шацкий, 1990, с. 131]. Если проводить параллели с современностью, то можно привести в пример разные виды религиозных сект — одни замкнуты на себе, максимально изолированы от мира, другие активно пропагандируют свои идеи. По типологии Р. Мертона, первые будут демонстрировать модель бегства, вторые — модель бунта. Хотя, конечно, это будет частный случай: «Когда бунт ограничен относительно небольшими и относительно слабыми элементами в обществе, он создает возможность для формирования подгруппы, отчужденной от остального общества, но объединенной внутри себя... Когда бунт становится всеобщим в существенной части общества, он создает возможность революции, которая преобразует как нормативную, так и социальную структуры» [Мертон, 2006, с. 318–319]. Это прямая отсылка к утопиям ордена и утопиям политики Е. Шацкого.

Очевидно, что в свете классификаций утопий нас должны интересовать в первую очередь пятый тип — *мятеж*, или *бунт*. «Мятеж, — пишет Мертон, — имеет место в случае, когда освобождение от господствующих стандартов...

ведет к попытке ввести “новый социальный порядок”» [Мертон, 2006, с. 307]. У Е. Шацкого читаем: «Утопия политики начинается там, где кто-нибудь — человек или группа — ставит перед собой задачу переустройства общества от самых его основ» [Шацкий, 1990, с. 58]. Утопия политики отличается не своими идеями (как раз наоборот, они могут быть очень похожи на идеи, которые присутствуют в утопиях любого другого типа), а тем, что она обращается к практике: «“где-то” и “когда-нибудь” превращается в “здесь” и “теперь”» [Шацкий, 1990, с. 136]. Именно эта ее черта породила множество противников утопии. Пока утопии были в основном утопиями места, число их противников было невелико, так как они не представляли серьезной угрозы, но как только они превратились в утопии политики, ситуация изменилась. Мертон также подчеркивает отличие пятого типа поведения: «Пятая альтернатива явно *располагается на ином уровне*, нежели остальные» [Мертон, 2006, с. 255]. В первую очередь потому, что она посягает на всю социальную структуру. Представитель утопии политики отказывается выбирать между имеющимися альтернативами. Человек, следующий мятежной модели поведения, предлагает «подлинную переоценку всех ценностей», «взбунтовавшаяся лиса просто отказывается от всеобщего пристрастия к сладкому винограду» [Мертон, 2006, с. 276]. Но если для Р. Мертона любой революционер демонстрирует мятежное поведение, для Е. Шацкого понятия «революционер» и «представитель утопии политики» не синонимы. Лишь тот революционер будет утопистом, кто верит в возможность разрыва исторической преемственности, в легкую и быструю смену плохих общественных отношений на хорошие [Шацкий., 1990, с. 39]. Например, марксисты в его классификации утопистами не являются.

Отвечая на вопрос о причинах девиантного, в том числе и революционного, поведения, Р. Мертон не может обойти стороной вопрос о том, какие социальные группы больше других подвержены ему. «Из нашего анализа ясно видно — пишет он — что самый сильный толчок к отклоняющемуся поведению получают низшие страты» [Мертон, 2006, с. 261]. Ярким примером могут служить секты ранних христиан. Однако массы обычно не являются авторами утопий, тем более утопий, ведущих к радикальному преобразованию общества. Самые громкие утопии, попавшие в историю и приведшие массы в движение, имеют вполне конкретных творцов. Джон Локк и Жан-Жак Руссо, Карл Маркс и Фридрих Энгельс... Все эти мыслители отнюдь не принадлежали к низам общества. Нет ли здесь противоречия? И если Е. Шацкий лишь косвенно отвечает на этот вопрос, Р. Мертон дает четкий ответ. Чтобы прийти к утопии и предложить радикальную альтернативу (в его классификации — к мятежному поведению), нужно понимать, как работает общество. Недостаточно быть жертвой структуры, недостаточно осознавать «расхождение между индивидуальной ценностью и общественными вознаграждениями», необходимо понимать *причины* этого расхождения. Только те, кто находит источник расхождения в социальной структуре, «могут отчуждаться от этой структуры и становятся готовыми кандидатами на пятый тип приспособления (мятеж)» [Мертон, 2006, с. 265]. Только

те, кто понимает, что дело в структуре, предъявляют к ней претензии и хотят ее изменить. А это необходимое условие возникновения утопии, так как любая утопия отказывается оценивать существующее положение дел как естественное и предлагает выход за пределы системы.

И это опять возвращает нас к вопросу о принадлежности утопистов сразу к двум типам социального поведения. Потому что любая утопия (в определении, данном Е. Шацким) — это критика существующего общества, т. е. в любой, даже эскапистской утопии, «институциональная система расценивается как препятствие для удовлетворения узаконенных целевых устремлений, расчищается площадка для мятежа как приспособительной реакции... миф утопии изображает альтернативную структуру, которая, предположительно, не будет приносить разочарование достойным» [Мертон, 2006, с. 276]. Подвергая сомнению социальную структуру, утопия направляет гнев на нее, тогда как консервативный миф отводит от нее, уверяя, что разочарования — это нормально, так как они «заключены в самой природе вещей и присущи любой социальной системе» [Мертон, 2006, с. 277]. Эту же роль утопии подчеркивает и Е. Шацкий во всех без исключения типах утопий, и, с нашей точки зрения, эта идея является одной из основных в его книге. Так, утопии места сообщают читателю о возможности осуществления утопии, утопии вневременного порядка судят современный порядок, противопоставляя ему порядок естественный и Божественный, а просвещенческие утопии и вовсе сформировали «тот особый мировоззренческий климат, в котором созревают программы радикального общественного переустройства» [Шацкий, 1990, с. 90, 106–107].

Таким образом, оба теоретика рассматривают утопии и близкие к ним явления с точки зрения их социальных функций и интересуется их в первую очередь их роль в динамике общественного развития. Естественно, с момента написания обеих книг прошло много времени и, возможно, обе типологии требуют корректировки. Одна из таких корректировок представлена в статье Е. Лыткиной «Протестующие и власть...» [Лыткина, 2014]. Но анализ применимости типологий к современным реалиям выходит за рамки настоящей работы.

Заключение

Любая типология (так же как и ее интерпретация) предполагает определенную оценку описываемого (типологизируемого) явления. Однако и Е. Шацкий, и Р. Мертон стараются оставаться нейтральными.

Р. Мертон подчеркивает, что девиантное поведение не синоним социальной дисфункции, бывшие мятежники становятся героями современной культуры, да и само понятие социальной дисфункции не тождественно терминам «безнравственность» или «внеэтическая практика» [Мертон, 2006, с. 308–309]. В то же время в русском издании две отдельные книги («Утопия» и «Традиция») напечатаны под одной обложкой неслучайно. В предисловии автор

говорит о том, что дилемма утопии и традиции универсальна. «Мы неустанно стремимся к утопии, т. е. к чему-то недостижимому, к чему-то такому, что было бы отрицанием всего существующего зла и окончательной разгадкой всех тайн человечества; но в то же время мы не в состоянии освободиться от традиции — от привязанности к тому, что было и есть, а также от тоски по тому, что мы бесповоротно утратили в погоне за взлелеянным в мечтах совершенством» [Шацкий, 1990, с. 6]. Поэтому он даже не задается вопросом, на чьей стороне истина — утопистов или традиционалистов. С его точки зрения, правы и те и другие. Однако полностью соблюсти нейтральность не удастся ни одному теоретику. Сама заявка на нейтральность и четко определенная функция, которую играют утопия/мятеж, не позволяет им занять место над схваткой.

Список источников

1. Сокотун Ю. Типология утопий: поиск оснований // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. 2011. Т. 24. № 3–4 (63). С. 126–135.
2. Баталов Э. Я. В мире утопии: пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М.: Политиздат, 1989. 320 с.
3. Шацкий Е. История социологической мысли. Т. 1. М.: НЛО, 2018. 720 с.
4. Шацкий Е. История социологической мысли. Т. 2. М.: НЛО, 2018. 720 с.
5. Ленин В. И. Две утопии // В. И. Ленин. Соч. Т. 22. М.: Изд-во политической литературы, 1968. С. 117–121.
6. Волгин В. П. История социалистических идей. М.; П.: Государственное издательство, 1923. 150 с.
7. Фогт А. Социальные утопии. СПб.: Типография Акц. общ. Брокгауз-Ефрон, 1906. 108 с.
8. Ануфриев А. Е. К вопросу о типологии жанра литературной утопии // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2021. № 1 (19). С. 260–265.
9. Денисов С. Ф., Денисова Л. В. Философско-антропологическая классификация утопий и антиутопий // Реальность. Человек. Культура: трансформация человека. VIII Ореховские чтения: материалы Всероссийской науч. конференции. Омский государственный педагогический университет. Омск: ОмГПУ, 2016. С. 64–67.
10. Мыльников Е. С. Предпосылки возникновения социальных и архитектурных утопий, виды и классификация // Академическая публицистика. 2019. № 7. С. 101–110.
11. Покотыло М. В. Жанр утопии: проблема классификации // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 3. С. 240–242.
12. Mumford L. The Story of Utopias. New-York: Bony and Liberight Inc., 1922. 315 p. [Электронная версия]. URL: https://m0vie.files.wordpress.com/2020/05/24a21-57_story-of-utopias.pdf
13. Шацкий Е. Утопия и традиция / общ. ред. и послесл. В. А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1990. 456 с.
14. Сизов С. С. Утопия и общественное сознание: философско-социологический анализ. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 120 с.
15. Никулина Ю. А., Рымарева Е. Н. Утопия как социокультурный феномен: типы и виды положительных утопий // Филологический аспект. 2023. № 4 (96). С. 149–156.

16. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности: современные буржуазные теории. М.: Прогресс, 1966. С. 299–313.
17. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ; Хранитель, 2006. 873 с.
18. Ломко И. Г. Генезис теории справедливости в зарубежных социально-философских парадигмах // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2020. № 1 (33). С. 9–16.
19. Лыткина Е. Протестующие и власть: модификация «мятежа» Мертона для анализа дискурса (кейс-стади голодовки матерей) // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 3. С. 397–410.

References

1. Sokotun, Y. A. (2011). Typology of utopias: ground search. *Scientific Notes of Taurida National. V. I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology*, vol. 24, 3–4 (63), 126–135. (In Russian).
2. Batalov, E. Ya. (1989). *In the World of Utopia: Five Dialogues on Utopia, Utopian Consciousness and Utopian Experiments*. Moscow: Politizdat. 320 p. (In Russian).
3. Shackij, E. (2018). *History of sociological thought. Vol. 1*. Moscow: NLO. 720 p. (In Russian).
4. Shackij, E. (2018). *History of sociological thought. Vol. 2*. Moscow: NLO. 720 p. (In Russian).
5. Lenin, V. I. (1968). Two utopias. In: Lenin V. I. *Collected works*, vol. 22. Moscow: publishing house of political literature, 117–121. (In Russian).
6. Volgin, V. P. (1923). *History of the socialist idea*. Moscow; St. Petersburg: State publishing house. 150. (In Russian).
7. Fogt, A. (1906). *Social'nye utopia [Social utopias]*. St. Petersburg: Printing house of Brockhaus-Efron Joint Stock Company. 108 p. (In Russian).
8. Anufriev, A. E. (2021). On the question of the typology of the genre of literary utopia. *At the Crossing of Languages and Cultures. Current Issues in Humanities*, 1 (19), 260–265. (In Russian).
9. Denisov, S. F., & Denisova, L. V. (2016). Philosophical and Anthropological Specifics of the dystopian. In: *Reality. Human. Culture: human transformation. VIII Orekhov Readings*. Materials of the All-Russian scientific conferences (pp. 64–67). Omsk: Omsk State Pedagogical University. (In Russian).
10. Myl'nikov, E. S. (2019). Prerequisites for the emergence of social and architectural utopia, species and classification. *Academic Journalism*, 7, 101–110. (In Russian).
11. Pokotylo, M. V. (2011). The Utopian Genre: the Problem of Classification. *Vestnik of Pyatigorsk State Linguistic University*, 3, 240–242. (In Russian).
12. Mumford, L. (1922). *The Story of Utopias*. New-York: Bony and Liberright Inc. (In English). Retrieved from https://m0vie.files.wordpress.com/2020/05/24a21-57_story-of-utopias.pdf
13. Shackij, E. (1990). *Utopia and Tradition*. Moscow: Progress. 456 p. (In Russian).
14. Sizov, S. S. (1988). *Utopia and social consciousness: philosophical and sociological analysis*. Leningrad: LGU press. 120 p. (In Russian).
15. Nikulina, Yu. A., & Rymareva E. N. (2023). Utopia as a Socio-cultural Phenomenon: types and types of positive utopias. *Philological Aspect*, 4 (96), 149–156. (In Russian).

16. Merton, R. (1966). Social structure and anomie. In: *Sociology of Crime: Modern Bourgeois Theories* (pp. 299–313). Moscow: Progress. (In Russian).
17. Merton, R. (2006). *Social theory and social structure*. Moscow: ACT; Hranitel. 873 p. (In Russian).
18. Lomko, I. G. (2020). Genesis of the Theory of Justice in Foreign Socio-philosophical Paradigms. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 1 (33), 9–16. (In Russian).
19. Lytkina, E. I. (2014) Protesters and Authorities: Modification of Merton's "Rebellion" for Analysis of Discourse (case study of a mother's hunger strike). *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 12, 3, 397–410. (In Russian).

Информация об авторах / Information about the authors:

Сахарова Мария Викторовна — кандидат философских наук, доцент, доцент департамента философии и социальных наук Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Sakharova Maria Viktorovna — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Moscow City University, Moscow, Russia.

sakharovamv@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8300-2065>

Казенина Анна Анатольевна — кандидат философских наук, доцент департамента философии и социальных наук Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Kazenina Anna Anatolyevna — PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Moscow City University, Moscow, Russia.

kazeninaa@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8300-2065>

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.